

УДК 801.73

DOI 10.52452/19931778_2022_4_183

ИДЕОЛОГЕМА «СВЯТАЯ РУСЬ» В ПОЭМЕ Н. МЕЛЬНИКОВА «РУССКИЙ КРЕСТ»: ОПЫТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ

© 2022 г.

С.Г. Павлов

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород
Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, Н. Новгород
Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, Н. Новгород

sergeypavlov70@mail.ru

Поступила в редакцию 21.04.2022

Представлен опыт лингвистической рецепции художественного текста. Материалом послужила поэма Н.А. Мельникова «Русский Крест». Предмет исследования – идеологема «Святая Русь». Методом исследования стала лингвогерменевтическая реконструкция коммуникативных смыслов, определяющих толкование текста в целом и содержания идеологемы «Святая Русь» в частности. Основные выводы статьи могут быть представлены в следующих положениях: 1) лингвогерменевтический метод демонстрирует высокую эффективность толкования художественного текста; 2) идеологема «Святая Русь» в поэме представляет собой положительно окрашенный слот фрейма «Россия» и противопоставлена пейоративному слоту «СССР»; 3) конститутивные признаки идеологемы «Святая Русь» дифференцированы на универсальные (вера, святость, праведность) и индивидуально-авторские (трезвость, странничество); 4) идеологема «Святая Русь» репрезентирована морфемными, лексическими, фразеологическими, грамматическими, орфографическими, интертекстуальными средствами; 5) персонификацией Святой Руси является главный герой поэмы Иван Росток, возрождающий её идеалы в постсоветской России.

Ключевые слова: художественный текст, Н.А. Мельников, «Русский Крест», Святая Русь, идеологема, концепт, интерпретация, герменевтика, лингвистическая герменевтика.

Введение. Постановка проблемы

Творчество поэта Н.А. Мельникова (1966–2006) незнакомо широкому кругу читателей и исследователей. Самое известное его произведение, поэма «Русский Крест», написано в течение недели и закончено 14 октября 1996 года. В настоящей статье предлагается её первый, насколько можно судить, профессиональный анализ. Методом исследования стала лингвогерменевтическая реконструкция. Её теоретическое осмысление и апробирование на конкретном языковом материале представлены в наших работах [1–3]. Цель настоящей статьи – посредством лингвистического инструментария описать (неочевидное) концептуальное содержание идеологемы «Святая Русь» в поэме «Русский Крест».

Художественный текст всегда в той или иной степени несёт на себе печать языковой личности творца, рассматриваемой прежде всего на мотивационно-прагматическом уровне. Мировоззрение автора, его гражданская позиция, система жизненных приоритетов определяют выбор темы, языковых и образных средств её воплощения. Источником творчества Н. Мельникова было православное мироощущение, и это закономерным образом сказалось на ключевых мотивах поэмы. Её доминантой, композиционным и организующим центром выступает

идеологема «Святая Русь». Под идеологемой понимается разновидность национально-специфического концепта с ярко выраженным аксиологическим и несколько размытым денотативным содержанием (ср., например, определение идеологемы в [4, с. 35]).

Идеологема «Святая Русь» имеет обширную философскую, религиозную, историческую, культурологическую, литературоведческую литературу. Лингвистическая её интерпретация практически отсутствует. Опыт лингвогерменевтической рецепции идеологемы «Святая Русь» на материале творчества Ф.М. Достоевского отражён в работах [5; 6].

Репрезентация культурного концепта в идиостиле предполагает как универсальные, так и уникальные идейно-художественные и языковые средства. Их специфическая организация уже сама по себе создаёт герменевтическую ситуацию. Герменевтической ситуацией мы называем интерпретационно проблемное место, допускающее как принципиально разное толкование, так и понимание одного и того же концептуального содержания на разной глубине. В первую очередь это определяется не столько объёмом, сколько способом анализа привлекаемых к толкованию языковых фактов.

При моделировании концепта лингвогерменевтика не просто регистрирует его репрезен-

танты, а пытаются их осмыслить в качестве элементов авторского художественного мира. Она работает с коммуникативными смыслами, вычитываемыми из семантики языковых единиц. В случае семантической неясности/неоднозначности по определению возникает лингвогерменевтическая ситуация, требующая разрешения лингвистическим инструментарием или обращением к словарю. Определённость семантики ещё не гарантирует глубокого проникновения в творческий замысел автора. Семантика позволяет прочесть фактуальную информацию художественного текста, но сама по себе не выводит понимание на уровень концептуальной информации. Концептуальная информация реконструируется на базе фактуальной (семантической) и в качестве конструкта принципиально вариативна. Помимо семантики, интерпретационный диапазон текста определяется его герметической рамкой, (языковой) личностью автора и культурно-историческим контекстом, в котором создано произведение. Лингвогерменевтика, будучи по инструментарию преимущественно лингвистикой, а по цели интерпретационной процедурой, в случае необходимости апеллирует и к экстралингвистическим (экстратекстуальным) данным, в которых видит и материал для толкования, и источник верификации.

Антропоним *Иван Росток*

Главный герой поэмы – спившийся колхозный сторож, однорукий инвалид *Иван Росток*, происходящий из рода *Ростовых*. Место действия – село *Петровский Скит*, названное в честь предка *Ивана Петра Ростова*. Говорящее теофорное имя носит отшельник *Федосей* (др.-греч. *Θεός* ‘Бог’ и *δοσιος* ‘данный’), после встречи с которым кардинально меняется жизнь *Ивана*. Он бросает пить и начинает жизнь странника, собирающего деньги на восстановление храма в родном селе. Говорящим в тексте поэмы становится и имя главного героя, восходящее к древнееврейскому имени *Йоханан* (буквально «Яхве помиловал»). Внутренняя форма имени *Йоханан* раскрывается в сюжете: Бог помиловал *Ивана* и призвал к особому служению.

Антропонимы *Росток* и *Ростовы* аксиологически противопоставлены как фамилия (мелиоративная коннотация) и прозвище (пейоративная коннотация):

*Изойдёт Ростовых племя –
Станет пьяньеньким... Ростком!*¹

Контекст актуализирует в суффиксе *-ок-* уменьшительно-уничижительный компонент семантики, указывая на измелчание современного представителя древнего и славного рода

Ростовых. Коммуникативный смысл «измельчание» поддерживается глаголом *изойти* в значении ‘выродиться’ и прилагательным *пьяньеньким*, суффикс субъективной оценки которого контекстуально коррелирует с суффиксом *-ок-* в прозвище *Росток*: *-еньк-* здесь тоже получает уменьшительно-уничижительное значение. Пейоративностью семантико-коннотативный потенциал суффикса *-ок-*, впрочем, не исчерпывается. В имени *Росток* сюжетно сводится воедино лексическая омонимия: *росток* ‘маленький рост’ и *росток* ‘стебель растения в самом начале его развития из семени, клубня или от корня’ [7, стб. 1482]. В поэме актуализируется переносное значение данной лексемы – ‘признак начинающегося развития чего-либо’ (только во множественном числе) [7, стб. 1482]. В имени *Росток* появляется дополнительный коммуникативный смысл – «первая поросль новой жизни».

Федосей называет *Ивана* *себя забывшим*: *Ты, Иван, себя забывший*. В этой аттестации просматривается трансформированный фразеологизм *Иван Непомнящий (родства)*. Воскрешение родовой памяти рассматривается в поэме одним из основных факторов возрождения в человеке носителя идеалов Святой Руси. После обретения веры *Иван Росток* возвращается к родовым и культурным истокам, делает шаг к своему преображению в достойного потомка рода *Ростовых*:

*Старцем мудрым потрясённый,
К жизни новой стал готов,
Словно заново рождённый
Человек – Иван Росток.*

С формальной точки зрения слово *человек* в этом контексте выглядит семантически опустошённым, употреблённым исключительно для ритма. Однако, графически выделенное в начале строки заглавной буквой, оно приобретает дополнительную смысловую нагрузку и особый перлокутивный эффект: потерявшийся в жизни *человек (Росток)* возрождается как личность и становится *Человеком (Ростовым)*.

Несколько иной семантический сдвиг в слове *человек* наблюдается в строчках:

*Потому что силой воли
Человек – Иван Росток –
Выбрал сам свою же долю,
Свой последний путь с Крестом!*

В контексте взаимоотношений с Богом и крестоношения референция формально избыточного слова *человек* (‘конкретный человек по имени *Иван*’) ослабляется в пользу денотативной отнесённости ‘один из людей, человек вообще’, а выделенное двумя тире имя *Иван Росток* превращается в факультативное, по суще-

ству, приложение. Специфика письменной поэтической речи порождает изоморфную корреляцию графических и морфемных элементов: *человек / Рост-ок – Человек / Ростов*. Отсутствие суффикса *-ок-* в антропониме *Ростов* переносит логический акцент на корень: росток идёт в рост. Возникает смысловой параллелизм: росток растения устремляется вверх, а в жизни *Ивана Ростка* появляется вертикальное измерение. Сидя в полуразрушенной церкви, он смотрит наверх (*И наверх свой взгляд вознёс*) и встречается взглядом с Христом:

*В этой жуткой пустоте
Человека взглядом встретил
Бог, распятый на Кресте.*

Здесь слово *человек*, противопоставленное слову *Бог*, указывает на подлинный, с точки зрения автора, экзистенциальный статус существа вида *homo sapiens*. Человеческая природа не редуцируется к биологии и социальности; главным собеседником человека выступает Бог. Новое мировоззрение *Ивана* маркируют церковнославянские (старославянские) элементы в авторской речи: *взгляд вознёс; шёл с молитвой на устах; Иван провозгласил*.

Интересные типологические параллели обнаруживаются между именем *Росток* и названием поэмы. Словосочетание *русский крест* семиотически связано с одной из разновидностей креста – Русским крестом, богословская интерпретация формы которого хорошо проецируется на сюжет поэмы. Косая перекладина Русского креста символизирует весы, взвешивающие душу человека. Тяжёлая, обременённая грехами душа нисходит в ад, лёгкая возносится к небу. Данная интерпретация содержится в службе Кресту Господню (стихира 9-го часа): «Посреде двою разбойнику мерило праведное обретеса Крест Твой: овому убо низводиму во ад тяготю хуления, другому же легчашуся от прегрешений к познанию богословия» [8]. Символизм косой перекладины коррелирует с именем *Росток* и сюжетной линией поэмы. Нижний конец перекладины иконически обозначает падение *Ивана*, верхний – его восхождение к Небу. Среди лексем с вторичными значениями, указывающими на духовно-нравственную деградацию *Ивана* (*заблудился, пропутавши столько лет*), встречается пространственная метафора низа: *Никудышний, всё пропивший, Шёл ты медленно ко дну!* После встречи *Ростка* с *Федосеем* начинается духовный рост *Ивана*. Косая перекладина символизирует тяжёлый крестный путь вверх, к Богу. Вертикаль этого пути выражена метафорой с неузальной сочетаемостью наречия *дыбом*: *Снова вёрсты дыбом встанут*. Траектория земного

пути сохраняется и после смерти *Ивана*: *От обряда погребенья – Путь тернистый к небесам*.

Святая Русь vs СССР

Ядерное содержание идеологема «Святая Русь» репрезентировано лексикой и фразеологией тематической группы «Церковь»: *Бог, Господь, ангел, храм, креститься, Голгофа, ад, псалтирь, святая Божья Вера, грешил, молюсь, нести Крест, «Живый в помощи»* (обиходное название 90-го псалма), *каноны, псалмы, отпевание, покаяние* и др. Наиболее значительную часть данной группы составляет самое частотное слово поэмы – *крест* (31 случай употребления). Лексема *крест* употребляется в двух лексико-семантических вариантах – ‘предмет христианского культа’ и ‘тяжёлая доля, судьба, испытание, страдания’ (перен.) [9, стб. 1632, 1634]. Слово *крест* входит в следующие вербальные комплексы: *без креста, Божий крест, Крест взвали, крест мой, распятый на Кресте, нести Крест, странник с Крестом, Крест ему достался, всё с Крестом, везде с Крестом, крест ему установили* и др. Периферия концепта «Святая Русь» представлена индивидуально-авторскими языковыми репрезентантами (*предки, странник*) и коммуникативными смыслами («трезвость», «отвержение детьми»).

Антагонистом Святой Руси, в силу воинствующей атеистической идеологии, выступает Советский Союз. После распада СССР его противопоставление постсоветской (и дореволюционной) России осуществлялось преимущественно по социополитическим параметрам. В отличие от наиболее популярной в научном и публицистическом дискурсе 1990-х оппозиции «Россия vs СССР» Н. Мельников обращается к религиозному аспекту сравнения.

Прямого обозначения СССР в поэме нет. Метонимической номинацией Советского Союза становится слово *колхоз*. Колхозная тема получает противоположный от советского официоза знак. Колхоз связан с постоянным крестьянским трудом (*плуг и навоз*), крайней бедностью (*потрёпанная фуфайка, изношенные сапоги*), скудной едой (*картошка на обед*), *воровством и беспределом председателей*. Множественное число существительного *председатель* обозначает собственно не объектно-числовой, а временной параметр, эквивалентный семантике настоящего постоянного времени глагола – «председатели всегда воруют и творят беззаконие».

В сельских буднях нет традиционной для советской культуры героики производительного труда на благо Родины. Характеризуются они круглогодичной изнурительной работой в колхозе и дома:

*У людей одни заботы:
Чтобы вовремя вспахать,
Чтоб колхозные работы
Со своими совмещать.
Посевная, косовица,
Жатва – круглый год страда,
И нельзя остановиться.
Льётся время, как вода.*

Существительное *заботы* за счёт сочетаемости, широкого контекста, и прежде всего фразы *нельзя остановиться*, приобретает пейоративную коннотацию. У слова *одни (заботы)* наблюдается диффузная семантика числительного *один* ‘единственный’ (коммуникативный смысл «больше нет других забот, кроме хозяйственных») и выделительно-ограничительной частицы ‘только’ (коммуникативный смысл «больше нет ничего, кроме забот»). В контексте непрекращающейся хозяйственной деятельности фраза *нельзя остановиться* порождает импликацию ≈ «нельзя остановиться [чтобы задуматься о более важном, чем материальные нужды]». Описание рутинного труда советского крестьянина порождает реминисценцию на книгу Екклесиаста: «Суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует, – всё суета! Что пользы человеку от всех трудов его, которыми трудится он под солнцем?» (Екк. 1:2-3). Слово *заботы* отсылает к другому месту из Екклесиаста с тем же мотивом экзистенциально бессмысленного труда: «Что пользы работающему от того, над чем он трудится? Видел я эту **заботу**, которую дал Бог сынам человеческим, чтобы они упражнялись в том» (Екк. 3:9-10).

Косвенным образом семантика бессмысленности существования людей выражена через семантику отрицания, отсутствия:

*Неприкаянные дети,
Без тепла и без царя
Вы помыкались на свете
И ушли. За так. Зазря.
Без креста, без покаянья*

В этом фрагменте, построенном на приёме амплификации, семантика отсутствия концентрированно представлена различными языковыми средствами: приставка *не*, предлог *без*, разговорные наречия *за так*, *за зря*.

Главной приметой жизни советской (и постсоветской) деревни названо пьянство:

*В будни, в праздник и с получки
Дули водку мужики.*

Синонимический ряд, включающий плеонастический элемент *с получки*, изображает картину непрерывного винопития. Тематическая группа «алкоголь» представлена многочисленными лексемами и словосочетаниями: *сменяет на стакан, пить, дули водку, сивуха, самогон,*

водка, хлебнул стакан отравы, меру самогона, спьяну, попривык...к стакану, запивают ‘начинают запоем пить’, опохмелиться, пьянство и др. В терминах алкогольной лексики описывается река. Она *льётся* и сравнивается с *отравой*:

*Лишь в тумане, как отрава,
Льётся вкрадчиво река.*

В глаголе *льётся* представлена не горизонтальная, присущая реке, ориентация водного потока (*течёт*), а вертикальная, свойственная выливающейся из бутылки жидкости. Слово *отрава* употребляется в поэме в сленговом значении ‘крепкий, некачественный алкоголь; суррогатный алкоголь’: *Хлебнул стакан отравы И загнулся втихаря*. Коммуникативному смыслу “пьянство”, представленному природным (*туман, ночь*) и пищевым культурным кодом (*отрава*), противопоставлен смысл “трезвость” через те же классификаторы культурного кода. Туманную ночь с её *рекой-отравой* сменяет утренний свет; с востока *разливается* день, неожиданно, но, в каком-то смысле, и мотивированно сравниваемый с безалкогольным напитком белого цвета:

*Разольётся день с востока,
Как из крынки молоко,
И от этого потока
Станет просто и легко.*

Помимо топонима *Петровский Скит*, идеологема «Святая Русь» репрезентирована в контексте советской деревни полуразрушенным храмом *Успенья*. Это *полусгнившее строение* с рухнувшим куполом, заросшее *бурьяном* и *лебедой*. После революции храм, расположенный на живописном берегу реки, стал местом притяжения для выпивающих мужиков, в том числе Ивана. В семантике церковнославянского слова *успение* ‘мирная кончина, подобная сну’ [10, с. 762] антонимически обыгрывается идея воскресения. Восстановление «мёртвого» Успенского храма мыслится залогом будущего Святой Руси в современной России.

Таким образом, концепт «СССР» репрезентирован лексическими средствами тематической группы «колхоз» и наполнен негативными коммуникативными смыслами – «суета», «бессмысленное существование», «пьянство», «разрушенная церковь».

Святая Русь vs постсоветская Россия

В аксиологической диаде «Святая Русь vs постсоветская Россия» *Святая Русь* ассоциируется с прошлым, предками, родовой памятью:

*Не Россия – Русь Святая
Открывалась всё ясней,*

<...>

Зашумели, загалдели,
Стали предков вспоминать...
<...>

Вкус невиданный и редкий,
Запах сотен, тысяч трав
Уносил к далёким предкам...

Ключевым фактором бытия *Святой Руси* была вера. Предки Ивана жили верой и трудом. Слово *предки* имеет в поэме специфическое, оценочное, денотативно ограниченное значение 'верующие дореволюционные предки'. Концепт «труд» поляризован: труд *предков* оценивается положительно, труд советских крестьян и современников Ивана – отрицательно. Вера придавала труду *предков* осмысленность. В советской деревне низкооплачиваемый труд (*труд дешёвый*) без веры становится для крестьян, вместе с *войнами* и *ссылками*, частью *тяжёлых оков*.

После революции советская деревня порывает многие связи с прошлым и прежде всего с религией, что выражается в концептуальной оппозиции «предки vs колхозники». Изменение социально-политического строя не затронуло отношения к вере: постсоветское село остаётся далёким от религиозных исканий, Успенский храм пребывает в запустении. Второй член аксиологической диады «Святая Русь vs постсоветская Россия» расщепляется на дихотомию «старожилы vs пришлые люди». Оппозицию *предкам* составляют не столько старожилы Петровского Скита, сколько его новое население – *безродье*. Старожилы чувствуют связь с родными могилами, с предками и с забытой религиозной верой, рудиментарно сохраняющейся у них на уровне осознания принадлежности к русской культурной традиции, в том числе и православной: *Аль не русские мы, что ли?; Я и сам не кришнаит*. Окказионализм *безродье* номинирует людей, приехавших в село после распада СССР. Пришлые люди предельно обезличены: собирательное существительное *безродье* среднего рода; указывающее на *безродье* местоимение употребляется в качестве неагентивного актанта (*Их несло, и принесло*); первое упоминание о *безродье* даётся через местоимение *их* в начальной строчке очередной главы (*Кто их звал?*).

Вопросительное предложение *Кто их звал?* представляет собой косвенный речевой акт с разговорным значением конвенционального утверждения ≈ 'не звали ни говорящий, ни те, кого он представляет и/или кому он симпатизирует'. В данной коммуникативной ситуации местоимение без antecedента создаёт впечатление чужеродности и враждебности элиминированного референта. В дальнейшем оно усиливается сравнениями с *мусором* и *сорняком*:

Словно мусор в полноводье,
Их несло, и принесло –
Непонятное «безродье»
В наше русское село.

Внешнее плеонастическое сочетание в *наше русское село* эксплицирует оппозицию «мы vs чужие», подчёркивая иноприродную, чуждую русскому национальному характеру сущность *безродья*. Внутренняя форма окказионализма *безродье* буквализируется (*Ни сестры тебе, ни брата*). *Безродье* лишено родовой памяти:

Ничего им здесь не свято:
Ни родных тебе могил,
Ни сестры тебе, ни брата,

В предложении *Ничего им здесь не свято* переосмыслена коллокация *ничего святого*, где лексема *святой* реализована лексико-семантическим вариантом 'глубоко чтимый, дорогой, заветный' [11, стб. 470]. Пространственное обстоятельство *здесь* трансформирует данную семантику, придавая ей локативное ограничение (*не свято в нашем русском селе*) и тем самым ставя *безродье* в оппозицию не только к сельским жителям, но и ко всему русскому народу. *Безродье* противопоставлено остальному населению Петровского Скита и по признаку «труд»: *Но не стали жить трудом*.

В отличие от коренных жителей села, откликнувшихся на призыв Ивана строить церковь, *безродье* лишено нравственной динамики. Не имеющее родовых связей, *безродье* остаётся цинично-равнодушным к общему порыву, что подчёркивается синтаксически – парцелляцией обстоятельства образа действия:

Лишь *безродье* ухмылялось
В стороне. Особняком.

В этом эпизоде *безродье* обособлено от жителей деревни не столько пространственно, сколько ментально. Для Ивана прежняя жизнь не ограничивается личной жизнью. Она вписана в исторический масштаб жизни его рода и всей православной культуры. Словом *раньше* в отношении *безродья* обозначена исключительно личная беспутная жизнь:

И живи, как раньше жил.
Раньше тил – и здесь не бросишь,
Где-то крал – кради опять!

В идеологеме «Святая Русь» реализованы когнитивные признаки «вера» и «труд», в концепте «старожилы» – только когнитивный признак «труд», а в концепте «пришлые люди» (*безродье*) – отсутствует и то и другое.

Святая Русь vs Россия

Имена *Русь* и *Россия* употреблены в поэме по четыре раза, один раз встречается простона-

родное *Расея*. Анализ контекстов показывает, что номинация *Русь* используется в качестве внеисторического имени государства, обозначая его метафизическую ипостась. Все четыре раза слово *Русь* употреблено в религиозном контексте: один раз – в контексте странничества; один – в составе словосочетания *Святая Русь*, дважды – вместе со словом *Бог*. Ещё дважды по отношению к России использовано прилагательное *святой* – *страна святая; святой, забытый край*.

Номинации *Святая Русь* употребляется и как контекстуальный антоним имени *Россия*:

Не Россия – Русь Святая

Открывалась всё ясней.

Имя *Русь* связано с Богом, бытие Которого формулируется в поэме в виде трансформированной цитаты из «Откровения» («Апокалипсиса») Иоанна Богослова: «Который есть и был и грядет» (Откр. 1:4):

Просто понял, что над нами

Был и есть, и будет – Бог!

Слово *апокалипсис* в русском языке получило переносное значение ‘катастрофа’. В данном случае библейская аллюзия актуализирует другой мотив книги «Откровения», практически не апроприированный светской культурой, – будущую победу Добра над злом. В отличие от «Апокалипсиса», где окончательное торжество Добра отнесено к постземной истории человечества, в поэме победа переносится в Россию, что выражается авторской уверенностью в завершении постройки церкви после гибели Ивана: *Будет храм уже стоять!* Основной смысл используемого Н. Мельниковым библейского интертекста реконструируется через соположение Бога и России. Россия пребудет в веках, если сохранит себя в качестве Святой Руси, имеющей молитвенную связь с вечным Богом:

Для молитвы неба хватит,

Потому что в небе – Бог!

Один из главных героев поэмы – народ России, под которым понимается прежде всего русский народ. Лексема *народ* обнаруживает концептуально значимую семантическую интерференцию. Описание петроскитовских жителей (*народ, родные люди, петроскитовский народ*) вырастает в изображение драматичной судьбы всего русского народа, оставленного властью на произвол судьбы (*всеми брошенный народ*), утрачивающего традиционные нормы жизни (*безумью поддаётся*), пропивающего *последний грош*, теряющего остатки нравственного чутья и впадающего в самоубийственную духовную апатию (*Но никто не ужаснётся И руками не всплеснёт*). Типизация (Петровский Скит = Россия) поддерживается посредством

метонимического переноса: *народ* ‘нация, национальность’ (в меньшей степени ‘население государства, страны’) ← → *народ* ‘люди’ [12, стб. 446–447]. Слово *народ* используется и в том, и в другом значении (*петроскитовский народ; Но уже заметно тает Несгибаемый народ*).

Есть бумага сельсовета,

Что Ростов Иван ведёт

Сборы средств на храм, и это

Поручил ему народ.

В этом четверостишии лексема *народ* реализована лексико-семантическим вариантом ‘люди’, на что однозначно указывает словосочетание *бумага сельсовета*. Тем не менее создаётся впечатление, что делегировал Ивану полномочия весь русский народ. Не меняя референциальной отнесённости, лексема *народ* одновременно актуализирует символическое значение ‘нация, национальность’, потому что на похороны Ивана приходят не только земляки. К нему идёт *народ, вся Россия*:

Тьма народа, свой народ,

Все пришли почтить Ивана –

<...>

Вся Россия – у Ивана!

Иван-богоносец

Язык и образы поэмы обнаруживают заметное влияние религиозного дискурса, выяснять характер которого (генетическое или типологическое) – задача литературоведов. Нашу задачу мы видим в демонстрации этого влияния. Русский народ назван Ф.М. Достоевским *народом-богоносцем*. Н. Мельников повторяет данное слово, кавычками, возможно, указывая на авторство Достоевского:

Потому что хитро скрыли

В «Богоносце» – Божество

Не названный в неопределённо-личном предложении субъект при предикате *скрыли*, безусловно, атеистическая советская власть. Семантика глагола *скрыть* содержит импликацию «найти» и тем самым вводит в повествование мотив обретения скрытого. Однако имплицитный динамизм глагольной семантики (*скрыть* → «найти») подчёркнуто противоречит семантике слов, описывающих Ивана: *бывший пахарь, бывший ухарь, стившийся*. Коррелирующая между собой семантика слов *бывший* и *стившийся* несёт идею необратимости, а следовательно, статичности. В начале поэмы образ Ивана предстаёт уже после «точки невозврата». Аналогично выглядит состояние Святой Руси и разрушенного храма, выступающего в функции указывающего на неё индексального знака:

Но давно пути закрыты

В тот святой, забытый край (о Святой Руси)

<...>

*В Божий храм осиротелый
Лишь бурьян да лебеда
Поселились навсегда.*

Элементы контекстуального синонимического ряда *спившийся* (Иван) – *закрыты пути* (к Святой Руси), *забытый (край)* – *навсегда (осиротелый храм)* объединяются интегральной семой ≈ «необратимость». Вопреки ей жизнь получает как бы «обратный ход». Синонимический ряд включает агентивный субъект (*спившийся Иван*), потенциально имеющий возможность стать сюжетообразующим элементом. Теоретически допустимы два варианта исправления существующего положения: 1) внешние условия (Святая Русь, храм) меняют человека; 2) человек меняет внешние условия. Н. Мельников реализует второй сценарий.

Уставшие от бесконечного пьянства мужей, женщины желали окончательного разрушения храма:

*– Хоть бы церкву доломали,
Чтоб вы меньше пили там!*

Оказалось, что есть противоположное решение проблемы пьянства: не ломать, а восстановить. С преобразования Ивана начинается восстановление храма (эксплицитный мотив) и возрождение Святой Руси (имплицитный мотив).

В тексте буквализируется значение идиомы *нести крест*: Иван сколачивает большой крест и ходит с ним по городам и сёлам, собирая пожертвования на постройку храма. Крестоношение Ивана не только показывает в нём христианина, но и сближает его образ с Христом. Заглавной буквой маркированы два типа употреблений лексемы *крест* – «крест Христа» (*Бог, распятый на Кресте*) и «земной путь Ивана» (*О земном моём Кресте; Так и шёл Иван с Крестом*). Кроме того, в поэме наблюдается значительное количество интертекстуальных связей с библейским текстом, нередко имеющих прямые лексические совпадения.

«И когда Иисус окончил слова сии, народ дивился учению Его, ибо Он учил их, как власть имеющий, а не как книжники и фарисеи» (Мф. 7:28-29). Слова Ивана воспринимаются иначе, чем речи других проповедников:

*Для людей Иван – не первый,
Кто о Боге вёл рассказ,
Но... с такую крепкой верой
Все встречались первый раз!
Потому что вспомнил первый
Бога, Русь и предков честь!*

«Ибо Он взошел пред Ним, как отпрыск и как росток из сухой земли; нет в Нём ни вида, ни величия; и мы видели Его, и не было в Нём вида, который привлекал бы нас к Нему» (Ис. 53:2). В ветхозаветном пророчестве о Хри-

сте находим омоним-прообраз (*росток*) имени главного героя, который в глазах земляков тоже лишён величия:

*– И откуда столько силы
В неказистом мужике?*

«Пришёл к своим, и свои Его не приняли» (Ин. 1:11). Уже будучи странником, Иван приезжает в город к дочерям, но те отказываются от общения с ним, при этом всеу, в междоветном значении, употребляя имя Бога:

*И надменность у Наташи,
И у Таньки едкий глаз:
«Ты иди домой, папаша,
Не позорь, ей-Богу, нас».*

Библейский интертекст поэмы включает и другие смыслы, так или иначе в ней реализованные. После смерти Ивана сельчане посылают его дочерям телеграмму: «*Ваш отец Иван почил*». Церковнославянский глагол *почить* ‘умереть’ придаёт мотиву смерти церковное звучание. Текст телеграммы содержит прагматическую аномалию: дочери не нуждаются в сообщении им имени собственного отца. Прагматическая аномалия *отец Иван* порождает интертекстуальную переключку с посланием апостола Петра: «Но вы – род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенства Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет» (1 Петр. 2:9). В русской лингвокультуре слово *отец* обозначает православного священника, поэтому «*отец Иван*» – представитель рода избранных, царственного священства. Иван идёт из тьмы к свету, возвещая людям о Боге:

*Знал, что нет назад возврата,
Без Креста – спасенья нет,
Коли тьмою всё объято,
То иди, ползи на свет!*

Следующие стихи того же апостольского послания также тематически созвучны сюжету поэмы и судьбе Ивана, который *Свой народ собрал в Народ*: «...Некогда не народ, а ныне народ Божий; некогда непомилованные, а ныне помилованы» (1 Петр. 2:10). «Возлюбленные! прошу вас, как **пришельцев и странников**, удаляться от плотских похотей, восстающих на душу» (1 Петр. 2:11). Иван становится *странником с Крестом*. Он строго постится (*В пост – сухарь, стакан воды*), отвергает шуточные предложения бухгалтера взять себе из собранных денег.

Особую значимость в поэме несёт мотив второго рождения: «Иисус сказал ему в ответ: истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия» (Ин. 3:3). Христос говорит тайно посетившему Его ночью члену синедриона Никоди-

му о благодатном рождении души в таинстве Крещения. Крещённый Иван (у него есть кума, следовательно, он является крёстным отцом) переживает второе рождение: *Словно заново рождённый Человек – Иван Ростов.*

Другим прототипом Ростка, как мы предполагаем, становится святитель Иоанн Златоуст. День смерти Ивана указан по святым и приходится на день памяти тезоименитого ему святого: *В ноябре, на Златоуста.* Дата выбрана символическая. Один из трёх дней памяти святителя Иоанна Златоуста, день его преставления, попадает на двенадцатый праздник Воздвижения Креста Господня (27 сентября). По богослужебному уставу, в двенадцатые праздники служба святым дня не служит, поэтому служба в честь кончины Иоанна Златоуста переносится на 26 ноября. Именно в эту ночь и погибает «воздвигший крест» Иван.

Помимо имени, Иван Росток имеет ещё несколько общих признаков со святителем Иоанном. Иван выступает в жанре Иоанна Златоуста. Он говорит «проповедь» перед удивляющимся его внезапному преображению народом. Измученные люди *ждали праведного слова*, и, покорённые силой Ивановой веры, они поверили ему, просили молиться, почитая его за святого.

Тропарь святителю Иоанну выглядит протекстом к поэме: «Усть твоихъ, якоже свѣтлость огня возсіявши, благодать вселенную просвѣти: не сребролюбя мрови сокровища сниска, высоту намъ смиренномудрїя показав...». Иван являет собой образец смирения (*Но Господь тебя смирил*), и, как уже отмечалось выше, с негодованием отвергает грех сребролюбия. При описании Ивана используется церковнославянизм *уста* (*Шёл с молитвой на устах*), непосредственно связывающий его образ со святителем Иоанном Златоустом. Иван просвещает свою «вселенную» – русскую землю:

*И молва про этот храм
Облетала все просторы –
Быль со сказкой пополам.
И далёко слух гуляет,
Что Ивана – Бог ведёт...*

Святитель Иоанн умер в изгнании. В кондаке он приравнивается к мученикам: «...Мученикомъ подобень, доблественный страдалецъ». Иван становится невинно убиенным мучеником за Христа: *Ждать ли им теперь прощенья За невинного Ростка?*

Заключение

Идеологема «Святая Русь» в тексте поэмы «Русский Крест» представляет собой положительно окрашенный слот фрейма «Россия» и противопоставлена пейоративному слоту «СССР»:

«Россия {Святая Русь (+) vs СССР (-)}». Конститутивные признаки идеологема «Святая Русь» дифференцированы на универсальные (вера, святость, праведность) и индивидуально-авторские (трезвость, странничество). Трихотомия «Россия {Святая Русь vs СССР}» сводится к дихотомии нерасчленённого единства «Русь-Россия», из которого выпадает период атеистической идеологии СССР. Метонимически обозначающее концепт «СССР» имя *колхоз* связано исключительно с негативными реалиями, что объясняется мировоззренческой установкой автора.

В имени *Россия* закодировано бытие русского народа в конкретно-исторической плоскости. Идеологема *Святая Русь* служит наименованием религиозного аспекта жизни российского государства и русского народа. Признаки Святой Руси в истории российского государства преимущественно отнесены в дореволюционное прошлое, к *предкам* (коммуникативный смысл слова *предки* “верующие крестьяне села Петровский Скит”). Рудименты Святой Руси в современной России – топоним *Петровский Скит* и полуразрушенный храм *Успенья*.

Носителем и хранителем идеалов Святой Руси является народ. Лексема *народ* в поэме реализована двумя лексико-семантическими вариантами: *народ*₁ ‘нация, национальность’ и *народ*₂ ‘люди’. Референтом *народ*₂ являются жители села *Петровский Скит*. Старожилы Петровского Скита олицетворяют собой весь русский народ (*народ*₁). Аксиологическую оппозицию *народу* составляют люди без культурных корней – *безродье*. В лице представителя русского народа Ивана Ростка Святая Русь возвратилась в Россию. Наличествующий её признак – *отпевание* (*Как когда-то в старину*), будущий – начавший строиться после смерти Ивана храм *Успенья*.

В заключение можно констатировать, что лингвогерменевтические процедуры демонстрируют высокую эффективность толкования художественного дискурса, помогая избежать излишнего акцента на экстратекстуальный материал литературоведческого анализа в ущерб работе с конкретными языковыми фактами, только на базе которых текст и может быть понят в своей неисчерпаемой полноте.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00310. The reported study was funded by RFBR, project number 20-012-00310.

Примечание

1. Поэма «Русский Крест» цитируется по изданию: Мельников Н. «Русский Крест» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.nmelnikov.ru/poema-russkiy-krest>. (дата обращения: 27.03.2022).

Список литературы

1. Павлов С.Г., Бударagina Е.И. И. Бродский «На смерть Жукова»: опыт лингвистической герменевтики // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2020. № 4. С. 210–216.
2. Павлов С.Г. А. Ахматова. «Двадцать первое. Ночь. Понедельник...»: опыт лингвистической герменевтики // Вестник Северного (Арктического) федерального ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2021. Т. 21. № 2. С. 70–80.
3. Павлов С.Г., Фомичёва Е.Д. Инфернальные локусы в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2021. № 5. С. 209–217.
4. Малышева Е.Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. № 4 (30). С. 32–40.
5. Павлов С.Г., Королёва С.Б. Раскольников на пути к «Святой Руси»: герменевтика образа в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2021. Вып. 2 (54). С. 43–57.
6. Павлов С.Г., Королёва С.Б. Идеалы Святой Руси в антропологической концепции Ф.М. Достоевского: опыт лингвофилософской герменевтики // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2021. № 6. С. 212–219.
7. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 12: Р. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 1676 стб.
8. Крест шестиконечный «Русский православный» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.pravmir.ru/kak-razobratsya-v-izobrazheniy-ax-kresta/#_171_187-3 (дата обращения: 15.04.2022).
9. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 5: И-К. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 1918 стб.
10. Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. М.: Изд. отд. Моск. Патриархата, 1993. 1159 с.
11. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 13: С–сняться. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 1516 стб.
12. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 7: Н. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 1468 стб.

**IDEOLOGEM «HOLY RUSSIA» IN N. MELNIKOV'S POEM «RUSSIAN CROSS»:
EXPERIENCE OF LINGUISTIC HERMENEUTICS**

S.G. Pavlov

The article presents the experience of linguistic reception of a literary text. The material was the poem by N.A. Melnikov «Russian Cross». The subject of the study is the ideologeme «Holy Russia». The research method was the linguo-hermeneutic reconstruction of communicative meanings that determine the interpretation of the text in general and the content of the ideologeme «Holy Russia» in particular. The main conclusions of the article can be presented in the following provisions: 1) the linguo-hermeneutic method demonstrates the high efficiency of the interpretation of a literary text; 2) the ideologeme «Holy Russia» in the poem is a positively colored slot of the frame «Russia» and is opposed to the pejorative slot «USSR»; 3) the constitutive features of the ideologeme «Holy Russia» are differentiated into universal (faith, holiness, righteousness) and individual author's (sobriety, wandering); 4) the ideologeme «Holy Russia» is represented by morphemic, lexical, phraseological, grammatical, spelling, intertextual means; 5) the personification of Holy Russia is the protagonist of the poem, Ivan Rostock, who revives her ideals in post-soviet Russia.

Keywords: literary text, N.A. Melnikov, «Russian Cross», Holy Russia, ideologeme, concept, interpretation, hermeneutics, linguistic hermeneutics.

References

1. Pavlov S.G., Budaragina E.I. I. Brodsky «On the death of Zhukov»: the experience of linguistic hermeneutics // Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. 2020. № 4. P. 210–216.
2. Pavlov S.G. A. Akhmatova. «The twenty-first. Night. Monday...»: the experience of linguistic hermeneutics // Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Ser.: Humanit. and social sciences. 2021. Vol. 21. № 2. P. 70–80.
3. Pavlov S.G., Fomicheva E.D. Infernal loci in M. Bulgakov's novel «The Master and Margarita» // Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. 2021. № 5. P. 209–217.
4. Malysheva E.G. Ideologeme as a linguocognitive phenomenon: definition and classification // Political linguistics. 2009. № 4 (30). P. 32–40.
5. Pavlov S.G., Koroleva S.B. Raskolnikov on the way to «Holy Russia»: Hermeneutics of the image in F.M. Dostoevsky's novel «Crime and Punishment» // Bulletin of the Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov. 2021. Issue 2 (54). P. 43–57.
6. Pavlov S.G., Koroleva S.B. The ideals of Holy Russia in the anthropological concept of F.M. Dostoevsky: the experience of linguophilosophical hermeneutics // Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. 2021. № 6. P. 212–219.
7. Dictionary of Modern Russian Literary Language: in 17 vols. 12: R. M.; L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1961. 1676 col.
8. The six-pointed cross "Russian Orthodox" [Electronic resource]. Access mode: https://www.pravmir.ru/kak-razobratsya-v-izobrazheniyax-kresta/#_171_187-3. (Date of access: 15.04.2022).
9. Dictionary of modern Russian literary language: in 17 vols. 5: I-K. M.; L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1956. 1918 col.
10. Dyachenko G. The Complete Church Slavonic Dictionary. M.: Pub. dep. Moscow Patriarchy, 1993. 1159 p.
11. Dictionary of modern Russian literary language: in 17 vols. 13: S – snyat'sya. M.; L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1962. 1516 col.
12. Dictionary of modern Russian literary language: In 17 vols. 7: N. M.; L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1958. 1468 col.